

Тот, чья голова доставала до неба,
А ноги касались царства мертвых...

Лафонтен

Невидимый человек

Я умер в четверг, 5 февраля 2004 года, в 7:35 утра. Не знаю, убили меня или это случилось, когда вертолет рухнул на землю. Никто меня не просветил. Да и какая, к черту, разница, результат известен. Я понятия не имею, доказывают ли затопившие мозг воспоминания, что за смертным порогом начинается нечто иное и я стал вольным духом, или картины ключевых событий жизни мелькают перед мысленным взором за миг до перехода в мир иной...

Я — дитя странной любви. Желанный ребенок, которого ждали и лелеяли, как ни одного другого младенца. Мой приход в этот мир имел глубокий смысл для родителей и означал, что они были правы. Во всем. Правы, что полюбили, что не отrekliсь друг от друга, несмотря на гнев родных, что боролись за свою любовь. В молодости я считал отца необычайным оригиналом, белой вороной среди родственников и очень не скоро понял, что эксцентричность в нашей стране — не более чем утонченный способ скрыть собственный конформизм. Отец был очень консервативен и воспроизводил стереотипы своего социального круга. Эксцентричность поведения у таких людей не вытекала из протеста, не отражала склад ума, но была всего лишь позой, позволявшей близким утверждать, что вы очаровательный и изысканно странный человек. Конечно, я могу ошибаться, потому что был жесток с отцом и плохо в нем разобрался. Я вообще очень часто ошибался.

Мой дед по отцовской линии был адвокатом в Шеффилде¹ и хотел, чтобы сын пошел по его стопам, — будет кому передать дело, — но ладили они плохо. Отец никогда не рассказывал мне ни о своем детстве, ни о семье, говорил только, что не смог бы остаться жить в самом унылом городе Англии и рад, что не выбрал

¹ *Шеффилд* — город в Великобритании, в графстве Южный Йоркшир, на реке Шиф. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

путь финансового благополучия. Выучившись на инженера-программиста, он нашел работу в большой американской компании, которая послала его в Сингапур, а в 1969-м приехал в Нью-Дели¹. Там он стал специалистом по управлению большими системами² и был назначен руководителем проекта в рамках огромного контракта, который его фирма подписала с индийским правительством.

Отец родился в конце войны и, как все англичане его поколения, обожал Индию. Только он — из всех, кого я знал, — называл ее во множественном числе³ — Индии. Там он встретил мою мать. Она работала инженером на его предприятии. Родители рассказали мне о своей встрече, о предрассудках, с которыми столкнулись. Всех специалистов, работающих за рубежом, с самого начала предупреждали, что им следует воздерживаться от романов с индианками: это может навлечь на их голову неприятности и бесчисленные осложнения — вплоть до увольнения и даже репатриации. Мужчины должны были держаться на расстоянии не менее полуметра от местных женщин, никогда не пожимать им руку, не хлопать по плечу, не обмениваться — не дай бог! — при утренней встрече поцелуем и воздерживаться от сомнительных шуток. Лучше вообще не шутить,

¹ *Нью-Дели* — официальная столица Индии, район города Дели. Здесь располагаются правительство Индии и правительство Дели. (Все индийские географические названия даны в старом английском наименовании.)

² *Большая система* — управляемая система, рассматриваемая как совокупность взаимосвязанных управляемых подсистем, объединенных общей целью функционирования. Примером может служить, например, энергосистема, экология, социально-экономические системы, научно-исследовательская деятельность и т. д.

³ Территории, находившиеся под непосредственным британским управлением, составляли так называемую Британскую Индию и были разделены на три президентства: Бенгальское, Мадрасское и Бомбейское. Но основную массу территории представляли «туземные государства», или «княжества».

не говорить комплиментов, не выражать симпатию, не хвалить одежду или прическу, опасаться любых двусмысленностей, намеков и как от чумы бежать от «интимных трапез». Если неожиданно возникала необходимость провести рабочее совещание с сотрудницей тет-а-тет, дверь в кабинет должна была оставаться открытой. В Кодексе корпоративной этики, который вручался каждому сотруднику при приеме на работу, было целых три страницы различных рекомендаций и императивных предписаний. Если память мне не изменяет, тогдашняя подружка отца была из Австралии и работала на индийских железных дорогах, а в маму он влюбился, потому что только она могла просидеть за компьютером дольше его. Фульвати, что на хинди означает «нежная, как цветок», успешно защитила диплом инженера-программиста и получила работу, поскольку контракт обязывал использовать местные ресурсы, а американская этическая хартия рекомендовала избегать сексизма — гендерной дискриминации при подборе персонала. На групповом снимке, сделанном в день отъезда директора по закупкам, моя мать в лиловом сари стоит в первом ряду со сложенными на груди руками и гордой улыбкой на губах. Отца — худого, высоченного, со восторженными волосами — фотограф поставил в последний, третий ряд. Как-то раз в августе, на пляже в Рамсгейте¹, рядом с нами расположилась смешанная пара, и я спросил у матери, как все началось у них с отцом. Она улыбнулась и ответила мечтательным тоном: «*Он был так красив...*»

Отец в своей немногословной манере рассказал, что все получилось само собой: однажды вечером, когда их усталые коллеги разошлись по домам, они оказались у экрана одного компьютера и благодаря клавиатуре

¹ *Рамсгейт* — город-порт в Великобритании, находится в восточной части графства Кент, на берегу Северного моря.

перешли священную границу в пятьдесят сантиметров. Легкое касание пальцев, одна рука задержалась на миг, другая ее не оттолкнула, вопрошающий взгляд, нежная улыбка и поцелуй. Сладкая дрожь. Им приходилось прятать свои чувства от сотрудников и — главное — от семьи моей матери.

Тарун Кумар имел все основания гордиться дочерью. Она олицетворяла для него идеал индийской женщины, в ней соединились современность и традиция. Та современность, за которую он сражался, и та традиция, что была краеугольным камнем его понимания жизни. Отец воображал для дочери самое радужное будущее: он осуществит мечту и выдаст ее замуж за Прана¹, младшего сына Шаана², коллеги по министерству. Об этом браке они договорились много лет назад и после долгих, многотрудных обсуждений пришли к согласию насчет приданого и свадьбы. Подобная практика давно стала правилом в «порядочном обществе». Сегодня любой человек восстал бы против обыкновения соединять пары без их согласия, но в тогдашнем мире никто не ставил под сомнение это право родителей. Даже сейчас девяносто пять процентов браков в Индии устраивают семьи, и, как это ни странно, разводится всего один процент супругов, остальные happily live together. Когда Тарун решил поговорить с девушкой, Фульвати потупилась и замкнулась в молчании. Он отнес ее сдержанность на счет легендарной скромности индианок и страха перед первой брачной ночью с незнакомцем. Тарун велел своей жене Нимише побеседовать с дочерью и все ей объяснить. Фульвати ни разу не перебила мать, а потом сказала, что никогда, никогда, никогда не выйдет за Прана. Вечером

¹ Индийское мужское имя, в переводе означающее «дыхание».

² Индийское мужское имя, в переводе означающее «мир».

Нимиша передала эти слова мужу, и он проявил понимание — у молодых иногда бывают нелепые идеи! С обычным добродушием он объяснил Фульвати, что не сердится, что думает только о счастье дочери, что это большая честь — войти в одну из лучших семей Дели. Пран — умный и работающий молодой человек, с ним она создаст замечательную семью, которой будут гордиться все родственники. Фульвати подняла на отца бездонные черные глаза и повторила, что замуж не пойдет.

— Но почему, дорогая? Пран станет отличным мужем... Не упрямясь, тебе двадцать четыре года, у твоих сестер уже есть дети! Мне тоже грустно расставаться с тобой, но мы будем часто видеться.

Фульвати колебалась, не зная, как поступить. Сердца родителей будут разбиты, отношения с Гордоном лишены будущего, хоть он и обещал, что женится, увезет ее к себе на родину и никогда не покинет. Что ей о нем известно? Гордон — отличный инженер и хороший босс, он соблюдает обязательства по отношению к клиентам, ведет себя как с равными с коллегами-индийцами. С ним можно часами говорить обо всем и ни о чем — как ни с одним другим человеком. А еще Гордон очень красив, Фульвати нравятся его волнистые рыжеватые волосы, бледно-розовая кожа, тонкие пальцы, стремительно летающие по клавиатуре компьютера, и невероятно заразительный смех. Джентльмен, который умеет так смеяться, не может быть лжецом. Если она сегодня подчинится воле отца, то будет жалеть об этом всю жизнь. Фульвати готова была рискнуть и проверить, сумеет ли она противостоять своему окружению. Отец учил ее брать пример с мужчин и проявлять напористость, воспитывал в ней самостоятельность, хотел, чтобы она сама выбрала будущую специальность.

Теперь у Фульвати была любимая работа, и она не хотела становиться домохозяйкой. Девушка готовилась принять самое важное решение в жизни и взвешивала последствия: если она выберет Гордона, семья ее отвергнет. Безвозвратно. Готова ли она расстаться с теми, кого любит, ради мужчины, которого знает всего полгода? В каком-то смысле он для нее такая же загадка, как Пран... Фульвати понимала, что отец не заслуживает подобного наказания. Он потеряет лицо в глазах коллег и вряд ли оправится от унижения. Неужели ей следует забыть безумные мечты и пойти путем, predetermined судьбой? Чувствуя, что голова вот-вот взорвется от мыслей, девушка произнесла твердым голосом:

— Я никогда не стану женой Прана. Я встретила мужчину. Его зовут Гордон. Я люблю его и хочу жить с ним.

Туран бросил на дочь взгляд, полный бесконечного презрения, и вышел из комнаты, не сказав ни слова. Для него любой англичанин, даже самый высокопоставленный, относился к категории неприкасаемых. Фульвати по рождению принадлежала к касте воинов, но безрассудный выбор низвергнул ее в небытие.

*

«Ты — дитя любви», — утверждала мама, и у меня не было причин не верить ей. Она часто повторяла: «Я сделала это ради тебя... Ради тебя, мой дорогой». Я не понимал смысла этих слов, но согласно кивал, чем очень ее радовал.

Тарун Кумар отрекся от дочери. Она собрала немного одежды, взяла свои браслеты, сложила все в дорожную сумку и без предупреждения явилась к любимому. Фульвати прямо на пороге рассказала Гордону о своих злключениях, он ответил: «Вот как?» — и пригласил

ее войти, но мама сняла номер в отеле поблизости от дома моего отца и жила там до свадебной церемонии. Два месяца спустя их за десять минут поженили в посольстве Великобритании, в присутствии свидетелей — четырех коллег-англичан. Мои родители совсем не расстроились.

Медовый месяц они провели в городе Кочине, который называют «воротами в штат Керала». Это место, по словам мамы, полностью отвечало их представлениям о рае на земле. Там молодожены приняли решение, казавшееся им совершенно очевидным. Они могли бы отправиться в Европу. Два высококлассных специалиста, служащие американской IT-компании, без труда нашли бы работу в любой стране. Однако уехать означало сдаться, признать, что Индия не способна измениться, что традиция непреложна, а они совершили трагическую ошибку. Мои родители остались.

Отец надеялся, что сумеет изменить решение человека, который должен был бы стать его тестем. Он собирался воззвать к его разуму и переубедить, апеллируя к реалиям современного мира. Мама считала его затею бессмысленной: она оказалась в ситуации, которую любой индус понимал без слов, но объяснить это представителю западного мира — даже избраннику сердца — не могла. Надеяться переспорить судьбу все равно что пытаться победить всеобщую нищету или пересечь вплавь Мировой океан. Гордон упорствовал, уверенный в своем даре убеждения, и Фульвати сдалась — позволила написать отцу два длинных письма. Они вернулись нераспечатанными.

У мамы был любимый дядя, младший брат ее отца, и она решила попытать счастья с ним. Он не ответил. Кузины и тетки не читали ее писем, не отвечали на телефонные звонки. Фульвати перестала существовать для родственников. Словно бы никогда и не жила на этом свете.

Мы занимали большую служебную квартиру в центре Нью-Дели с видом на купол Парламента, который из-за смога зимой и летом казался призрачным сооружением. На другой стороне проспекта находилось консульство Индонезии, где в парке росли плюмерии, разноцветные бугенвиллеи и огромный баньян — так европейцы окрестили бенгальский фикус. Его называли красивейшим памятником города, он был сам себе лес, тысячи воздушных корней оборачивались вокруг самых высоких веток и возвращались на землю, как серые змеи, чтобы вынырнуть на поверхность чуть дальше и процветать до бесконечности.

Дома родители проводили не слишком много времени. Оба по двенадцать часов просиживали на работе за компьютером, что, возможно, и отвратило меня от этого «прибора». Директор по закупкам порекомендовал им надежную кормилицу, и они наняли Дханью. Она родилась на севере страны, в деревне близ Маникарана¹, где царили средневековые обычаи. Дханья отсылала большую часть жалованья своей семье, а то, что оставалось, тратила на одежду. Даже у моей матери не было таких красивых сари, а ведь мой отец называл плату за ее работу «деньгами на карманные расходы». Говорить на хинди меня научила именно няня.

Пять лет, по утрам, рикша Рамеш сажал нас у дома в свою желтую коляску и вез в британскую школу, расположенную в элитном районе Чанакьяпури, и каждый вечер в целостности и сохранности доставлял домой. Двигался он с невероятной скоростью, лавируя между

¹ *Маникаран* — населенный пункт, расположенный в долине реки Парвати, является священным центром паломничества. Индусы верят, что царь Ману воссоздал человеческий род в Маникаране после потопа, сделав его заповедным местом.

машинами, и болтал не закрывая рта. Рамеш называл всех политиков продажными, обвинял их в том, что дела в государстве идут так плохо. Приехал он из Химачал-Прадеша, родной провинции Дханья, пытался ухаживать за няней, но успеха не имел. Она делала вид, что не слушает его рассуждений, а я сидел рядом и впитывал каждое слово. За год до того, как Дханья появилась у нас в доме, ее супруг погиб в железнодорожной катастрофе, и она решила больше не выходить замуж. Раз в месяц Рамеш возил нас в Чандни-Чоук¹, на огромный базар в старом городе, мы до вечера бродили по рядам и доходили до мусульманского квартала. Дханья выбирала новое сари. Это была ее маленькая причуда. Никто не мог обмануть мою няню — она все знала о качестве и происхождении тканей и могла час торговаться, чтобы сбить цену. В конце концов торговец уступал, и мы ехали домой, гордясь своей победой.

А потом моя мать заболела, перестала ходить на работу, и Дханья ее выхаживала. Однажды мама решила поехать с нами на базар. Она радовалась, как ребенок, купив браслеты к новому голубому сари с золотым шитьем, но толпа ее утомила. Мама могла бы лечиться в Дели, но отец считал, что нужно вернуться в Лондон. *«Весь мир прибегает к услугам лондонских врачей...»* Он четырнадцать лет проработал за границей и соскучился по голубому небу британской столицы.

Все решилось за две недели, и мы покинули Индию. Ничто не держало мою мать на родине. Она девять лет не общалась с семьей, ни один из родственников не попытался восстановить отношения, ни один

¹ Чандни-Чоук (Улица лунного света) — в давние времена посередине города проходил канал, в водах которого ясными ночами отражалась луна. Сегодня это настоящий супермаркет под открытым небом, где можно найти и купить все, что душе угодно.

человек не пригласил ее на помолвку или свадьбу. О моем рождении мама известила кузину — когда-то их связывала тесная дружба — и была совершенно убита ответным молчанием. Ей как будто давали понять, что я... не появлялся на свет. Я так и не узнал свою индийскую семью, хотя мечтал общаться с бабушкой, дедушкой и кузенами. Думаю, пойми они, что мы похожи, приняли бы меня. Не пожелали...

Я не хотел уезжать — не чувствовал себя англичанином. Индия была моей родиной. Мне нравилось ходить в школу, играть с друзьями в крикет. Я был очень привязан к Дханье. Уехать означало расстаться с ней навсегда. Первые восемь лет жизни она все время была рядом, если у меня возникали трудности или я заболел. Мы много играли. Дханья научила меня ходить, смеяться, читать, танцевать, петь, но все же я сел в поезд вместе с родителями.

*

Дханья показала мне, как клеить и запускать воздушного змея. Очень долго это было моим любимейшим развлечением. Нет ничего красивей воздушного змея, который сначала вздрагивает, недоверчиво «принохивается», а потом устремляется в небо и летит. Любой ребенок обожает смотреть, как кусок бумаги, приклеенный к четырем деревяшкам, бросает вызов небесам. По моим воспоминаниям, змеев запускали дважды в год: в середине августа, на День независимости Индии¹, и в середине января, чтобы отметить окончание зимы, когда солнце переходит в Северное полушарие. В праздничные дни в небе над городом скакали и подергивались тысячи воздушных змеев, похожих на конфетти. В Дели редко бывает ветрено, поэтому пыль

¹ День независимости Индии — 15 августа.

не рассеивается, а обволакивает все вокруг плотной пеленой. Но в период солнцестояния как по волшебству поднимался сильный ветер, и вверх устремлялось множество попушких и самодельных змеев — *patangs*, изготовленных с невероятной фантазией. Разукрашенные ромбы на бамбуковых рамках весело рыскали из стороны в сторону.

Мы поднимались на террасу дома и смотрели, как служащие посольств и министерств проявляют чудеса ловкости, чтобы подрезать веревку чужого змея, лишить хозяина власти над ним. Для этого они пропитывали леер своего змея смесью толченого стекла с клеем. Высохнув, он превращался в острое лезвие и легко расправлялся с чужими беззащитными веревками. Бой длился целый день, до победного конца, друзья, родственники и соседи сражались за главенство под облаками. Проигравшие провожали взглядами своих красавцев, а угадавшие победителя бурно радовались. Дханья была опасной соперницей и выигрывала все битвы, а леер ее змея разил почище кинжала. Требовалось соблюдать осторожность, чтобы не порезать пальцы. Во время последнего праздника Дханья пообещала, что раскроет мне секретный состав своей смеси, но забыла это сделать в горячке сборов. Она тщательно замешивала светло-розовую — вроде зубной — пасту, кисточкой наносила ее на рулевой леер, который потом намазывала на катушку.

Вспоминаю одно почти прекрасное утро в Дели. В разрывах облаков проглядывало голубое небо. Было четырнадцатое января, но холод стоял ужасный¹, и не верилось, что когда-нибудь наступит лето. Мы очень

¹ Зима в Индии длится с декабря до начала апреля. Самые холодные месяцы в году — декабрь и январь, когда средняя температура составляет около 10–15 °С.

рано вышли на террасу, надев по две пары перчаток и вязаные шапки — как альпинисты для штурма вершины. Дханья приготовила свою волшебную «мастику» из рисовой муки, камеди и истолченного в порошок стекла, и я запустил зеленого воздушного змея, которого купил накануне на рынке за десять рупий. На каждой террасе, справа и слева от нас, собралось с десяток человек. Сражение развернулось в пространстве между зданиями. Наш дом был самым высоким в квартале, что давало мне серьезное преимущество: перемещаясь, я уклонялся от атак. В какой-то момент леер моего змея скрестился и перепутался с леером чужого, красного, запущенного с дома позади нашего. Я решил ускориться, но маневр оказался ошибочным: леер оторвался, и мой змей взметнулся вверх, а я стоял, идиот идиотом, и смотрел, как крошечный четырехугольник исчезает в облаках. Министерские служащие бурно радовались, а Дханья размотала веревку «спецприготовления», привязала ее к широкому змею с синим кругом на золотистом фоне и запустила его. Он взлетел, вздыбившись, как породистая лошадь, и няня передала мне катушку, чтобы я управлял этим красавцем. Леер был длиной метров пятьдесят, не меньше, и змей величаво кружил в небе, рыская из стороны в сторону. Дханья сидела поджав ноги, так что с соседних крыш ее видеть не могли.

— Слушай и запоминай, Томми. Не уклоняйся от боя, потяни леер... Да, вот так, отлично. Руками и пальцами дергай коротко и резко. Не увеличивай амплитуду, не позволяй лееру выгибаться и полоскаться. Спустишь чуть ниже, правильно... Подпусти его, потом резко потяни вправо и вниз. Не пытайся уйти вёрхом, все допускают эту ошибку. Захочешь уклониться, сматывай веревку как можно быстрее.

Я старательно выполнял указания Дханьи, что было совсем не легко из-за туго натянутого леера: даже лег-

кое движение придавало змею амплитуду в несколько метров, да и холод не облегчал задачу.

— Пусть он подведет своего змея к твоему, я дам сигнал, и ты поднимешь обе руки как можно выше, а потом резко опустишь. Видел, как твой отец играет в гольф? Ну вот, это очень похоже. Задерживаешь дыхание, напрягаешь плечи и мускулы, потом расслабляешься... и сильно дергаешь змея за леер вниз. Заставь его вернуться к тебе.

Я последовал инструкциям «тренера», красный змей чиновника прижался к моему. На соседней крыше раздались радостные возгласы — там уже праздновали победу.

— Подними руки, да, продолжай! Дай ему спуститься... Он теряет силы... Замри... А теперь — *cut!*¹

Я замахнулся, как дровосек, дернул за леер, и мой змей спустился метров на десять, а подрезанный красный, лишившись руля, резко рванулся вверх, закружился и, никем больше не управляемый, полетел к старому городу. Соседи — мои болельщики — приветствовали этот финт веселыми криками. Я одержал огромную, первую в жизни победу. Ни одна следующая не доставила мне такого наслаждения. Я стал мужчиной, способным сражаться с равным по силе противником. Даже сейчас, вспоминая тот день, я весь покрываюсь мурашками... Дханья поднялась на ноги, прижала меня к себе, похвалила, и счастье в ее глазах стало дополнительной наградой. Мы играли до вечера и уступили всего в двух поединках, где я действовал слишком вяло.

— Не огорчайся, Томми, тебе всего восемь лет, твои руки пока как стручки фасоли. Вырастешь, и все получится. Небо необъятно для тех, кто не боится себя.

¹ Рывок руками вниз с поворотом корпуса, что ускоряет снижение змея. В спорте так называется крученный мяч.

Около пяти белое солнце покатилося в закат, в шесть совсем стемнело, и битва закончилась. На террасах стали зажигаться жаровни, женщины готовили на ужин рис и чечевицу. Бархат небосвода заполнился сотнями светящихся змеев, танцующих под оглушительно громкую музыку. Некоторые жители столицы запускали целые связки из четырех-пяти змеев — лотосы высотой аж в три этажа, — а под ними висели свечи в пергаментных карманчиках. Разноцветные серпантинны переливались огнями среди звезд в ледяной делейской ночи.

Вернулись родители, и я кинулся к ним, чтобы поделиться радостью. Мама улыбнулась, а отец пришел в ярость. Он кричал на Дханью, обзывал ее безответственной — «Мальчик мог лишиться пальца!» — напоминал, сколько индийцев каждый год падают с крыши и разбиваются насмерть.

— И прекрати говорить *patang, patang!* Неужели так трудно произнести английское слово *kite*?¹

*

Мой отец всегда называл себя пацифистом в стиле «Все, что тебе нужно, — это любовь»² и прочей мурры. Он был везунчиком и насилие видел только на экране телевизора. Если никто и ничто тебе не угрожает, миротворцем быть очень легко. Отец часто повторял, что приехал в Индию, потому что эта страна — родина Ганди, земля ненасилия, а я тогда не знал реального положения дел и не мог поднять его на смех. Если вы-

¹ Patang или kite (англ.) — воздушный змей.

² «All you need is love» (англ.). Песня группы «The Beatles», написанная Джоном Ленноном (1940–1980) при участии Пола Маккартни (р. 1942). Премьера состоялась в 1967 г. на первом в истории телевидения глобальном шоу «Наш мир» («Our World»), которое транслировалось в 26 странах мира.

давался свободный воскресный вечер, мы отправлялись гулять в парк Радж-Гхат, к мемориалу Махатмы Ганди. Не уверен, что правильно называть местом упокоения отца Индии место кремации, где даже прах не лежит¹, но черная мраморная плита с гирляндами из оранжевых и белых цветов навевала покой и просветление. Мы устраивались на пригорке, под деревьями, и старались проникнуться духом великого человека, как если бы он и впрямь витал в воздухе. Отец закрывал глаза, наслаждался мирным мгновением и не реагировал на доносившийся с дороги шум. Мама протягивала ему серый холщовый мешочек, куда они всю неделю складывали кусочки хлебного мякиша. Как только отец опускал туда руку, появлялись пять или шесть белок. Он утверждал, что знает их в «лицо» и зверушки тоже нас отличают от других двуногих. Белки ели с руки и позволяли гладить себя по спине и хвосту, а потом исчезали в кронах деревьев.

Моя мать и Дханья начали собирать вещи, и наша квартира стала похожа на склад. Однажды вечером отец принес плохую новость: предприятие не станет полностью оплачивать переезд, но мы получим неустойку. «Нет худа без добра, — успокаивал он нас, — большинство вещей нам в Англии не понадобится. Дешевле обойдется купить необходимое, тем более что будущий дом будет меньше этой квартиры...» Дханья пообещала раздать все, что останется, бедным. Когда мы с мамой пошли отбирать мои игрушки, я быстро принял решение: возьму только биты, мячи и крикетную перчатку.

У меня была копилка — белая фарфоровая сова; чтобы достать деньги, ее нужно было разбить. Отец

¹ В Индии после кремации прах умерших развеивают над водами священной реки.

терпеть не мог, когда в карманах позвякивала мелочь, и оставлял монеты в одну, две и пять рупий в пепельнице у входной двери. Я не знал размеров своего «капитала», но мама объяснила, что в Англии он мне точно не пригодится. «Решай сам, как поступить».

Последний визит в Радж-Гхат состоялся в воскресенье перед отъездом. Мама шла медленно, задыхаясь на каждом шагу. На этот раз бёлки съели угощение и принялись играть в прятки у нас за спиной. Потом отец сказал: «Ну все, пора...» — постоял у мемориала Махатмы и догнал нас уже в воротах. Мы оказались в толпе маленьких босоногих оборванцев, кланчивших милостыню. Я начал раздавать монетки, и отец, всегда такой невозмутимый, вдруг накинулся на меня и стал ругать, как будто я совершил чудовищное святотатство. «Никогда не давай деньги уличным детям, — сказал он, — так их проблему не решить. Тысячи бездомных теряют достоинство, прося на бедность и не работая». Сказать по чести, я не очень понял, как несчастные выберутся из трудного положения, если никто не станет им подавать. Отец жестом подозвал рикшу, они с мамой сели. Меня окружали человек десять чумазных ребятишек, все тянули руки, смотрели с мольбой, а мои карманы были полны мелочи. Я зачерпнул монеты обеими руками, швырнул всё на землю, и дети налетели на них, как оголодавшие скворцы. Отец хотел было выйти, но не стал тревожить маму, я раздал всё до последней рупии и сел рядом с родителями. Отец закричал, и рикша тронулся с места. Водоворот уличного движения затянул нас, шум заглушил папин голос, я напустил на себя беспечный вид и улыбнулся, подражая его собственной «индийской» улыбке, и он совсем вышел из себя. Мама не захотела вмешиваться. Она тоже улыбалась, и я вдруг подумал: «Кто это так вопит рядом с ней?»

*

В полете я сидел, приклеившись к иллюминатору, и смотрел вниз. Мы покидали Дели в конце марта 1980-го. Столица была окутана жаркой дымкой. Самолет оторвался от земли, и я увидел мой бескрайний город. Когда он растаял, исчез из виду, я почувствовал себя предателем и поклялся, что скоро вернусь. *«Вот увидишь, Лондон очень похож на Дели, — попыталась утешить меня мама. — Во всяком случае, я так думаю...»* Солнце, сверкающее над облаками, сопровождало нас на родину отца, но, приземлившись в середине дня в Хитроу, мы увидели низкое свинцовое небо. Когда я вышел на трап, на лицо мне упали тяжелые дождевые капли. Я сразу возненавидел эту страну.

*

Отец ошибся. Он утверждал, что его в прямом смысле слова обобрали, что нельзя было доверять начальнику департамента по работе с персоналом. Как бы там ни было, результат вышел плачевный. Новое жилье в Гринвиче оказалось на порядок теснее прежней квартиры! Кукольный домик из красного кирпича, ничем не отличающийся от соседних, с бесполезным до идиотизма садиком под окнами. Мы вылезли из такси, отец вошел первым и обнаружил, что электричество отключено, в кухне едва могут разойтись два человека, а из гостиной — она же столовая — открывается вид на улицу. Выцветшие обои в желто-серых тонах, должно быть, клеили еще до войны. Мама дважды обошла эти «хоромы» и спросила: *«Ты совершенно уверен, что не перепутал адрес?»* Отец кивнул. *«Но с нас запросили безумные деньги!»* Он ответил, что таковы лондонские цены, и добавил в утешение: *«Ничего, когда получим наши вещи и все расставим, станет поуютней...»*

Пока наш багаж плыл в Англию, мы жили в отеле «Королевский Дуб» и открывали для себя Лондон. Мама была уверена, что столица Британского Содружества похожа на Дели, но ошиблась. Она оказалась невзрачной, вонючей и до безобразия унылой, правда мусор на улицах не валялся, не было ни коров, ни собак, ни рикш. Я сразу невзлюбил этот мрачный город.

Отец попытался найти другое жилье, но из этого ничего не вышло — не хватало средств, ведь он лишился «командировочной надбавки»¹. В Индии мы были богатыми. Однажды вечером, за ужином, отец рассказал, что в Бангкоке скоро откроется вакансия и мы можем туда поехать. Я радостно закричал: «Да-а-а!» — но мама покачала головой, и они продолжили изучать объявления о сдаче внаем. Увы, все квартиры стоили дороже и либо были не намного больше, либо находились слишком далеко от центра.

Электричество включили, и стало ясно, что обоим придется менять, это тоже влетело в копеечку. Родители заняли большую спальню на втором этаже, а я поселился в гостиной на первом. Когда грузовик привез наши вещи, выяснилось, что в дом не удастся занести и трети коробок. Сосед одолжил нам брезент, чтобы прикрыть оставшиеся на улице пожитки от мелкого нудного дождика. Все, что стояло в садике на траве, размокло, заплесневело и пошло на выброс. Нет худа без добра — освободилось немного места.

В начале апреля я сдал тест в Гринвичской школе, и меня приняли, несмотря на пробелы в английском. Такая же проблема была у большинства ребят, чьи родители недавно вернулись из-за границы. Мама счи-

¹ Экспатриационная надбавка, которую получает откомандированный иностранный специалист.

тала, что справиться с отставанием поможет чтение, но я начинал зевать, едва одолев две страницы. Чтобы не слушать нотаций, я говорил, что возьму Диккенса и пойду к себе, но, когда мама начинала задавать вопросы, не знал, что отвечать. Нравилось мне читать только еженедельный комикс «Battle Action Force»¹. Отец считал, что «эту жестокую дрянь» следует запретить, мама не соглашалась: «Пусть хоть что-нибудь читает!»

В Индии лица у людей были яркими, самых разных оттенков, а здешние выглядели белёсыми, как яичная скорлупа, или серыми, как стены, дождевики, газон и небо. Вокруг пахло топленным свиным салом и рыбой с чипсами. Даже чай у англичан был пресный и бесцветный. Но сильнее всего меня доставала тишина, ведь даже противный, пропитывающий тебя до костей дождь падал на землю совершенно бесшумно. В Индии муссон становился благословением небес, английская мокрядь была проклятием. Никакой суеты на улицах, ни один автобус не тормозит так резко, что покрывки вздрагивают, бесчисленные велосипеды и мотороллеры не мечутся из ряда в ряд, тысячи рикш не оглушают пешеходов мерным «тук-тук», а горожане не переключаются на двадцати языках. Водители не сигнализируют в бессильной злобе, из храмов не доносится музыка. И собаки не лают, их не спускают с поводка. Я ненавижу этот покой, он мешал мне спать.

В первый вечер я один отправился в супермаркет и начал переходить улицу. Какой-то тип, весь в сером, ужасно возмутился, что я не дождался зеленого человечка. Я объяснил ему, что никого зеленого или красного не видел, тогда он протянул руку и закричал: *«Ах ты, маленький придурок! Разве человек не зеленый? А теперь не красный, а?»* Я стоял на тротуаре и видел

¹ «Сражения вооруженных сил» (англ.).

только серых людей. Таких же, как этот крикун. Он что, сумасшедший? Придется спасаться бегством...

Я пребывал в унынии. Дели остался на другом конце света, а я умру молодым в этом гнусном городе. Отец особо грустить не станет — за компьютером мир кажется ему идеальным, а мама, когда поправится, выйдет на работу, она только того и ждет и ни о чем другом не говорит. Я чувствовал себя неприкасаемым в собственной семье. Родители быстро меня забудут, а моя душа перевоплотится, я стану настоящим индусом и буду жить в родной стране, а не в Англии. Мне все здесь ненавистно: их вежливость, чертово хорошее воспитание, навязчивая любезность, их кретинский футбол, несмешной юмор и бледная кожа. Я мечтал сбежать, вернуться в Индию на корабле или самолете — это наверняка нетрудно — и не переставая строил планы. Однажды утром дождь перестал, и мама позвала меня прогуляться в Гринвичском парке.

*

Я и по сей день не обошел все британские парки и не могу сказать, который из них самый красивый. Я побывал во многих, но Гринвичский парк неповторим. Он один из самых старых, и следы человеческого вмешательства здесь почти стерлись. Любой, кто гуляет по парку, приходит к выводу, что только ее величество Природа могла создать подобное великолепие. Впрочем, чувство величия и абсолютной гармонии, так прочно соединившееся в моей памяти с образом Гринвичского парка, могло быть вызвано тем, что я открыл его для себя в восемь лет, вместе с мамой. Вспоминая о ней, я всегда представляю нас именно в этом месте.

Я никогда не видел такого огромного, покрытого лесом пространства. Я до сих пор не выучил названия

всех деревьев, но это не имеет значения, ведь они существуют для созерцания, а больше всего меня впечатлили гигантские кедры. В тот день солнце прогнало тучи, и влажная трава блестела, как «новорожденная». Мы шли по парку, держась за руки, смотрели на Темзу и огромный, окутанный дымкой Лондон.

И тут я услышал звук, который узнал бы среди миллионов других. Приглушенный звук удара деревянной битой по кожаному мячику. Совершенно потрясенный, я потащил маму в подлесок, и мы оказались на гигантской волшебной зеленой лужайке. В самом ее центре я увидел два хрупких силуэта в белом. Боулер подобрал мяч и медленно возвращался, опустив голову. Он остановился в тридцати метрах от бэтсмана, пробежал метров десять, размахнулся и кинул мяч в сторону бадминтонной ракетки, воткнутой ручкой в землю. А потом произошло событие, которое я до того видел только на матче официального турнира в Дели. Бэтсмен отреагировал мгновенно и стремительно, послал мяч так высоко, что тот скрылся из виду. Когда он упал на траву, я подбежал и схватил его. Игроки подошли, и я понял, нет — почувствовал: моя жизнь изменилась, в этой стране можно остаться. Не только потому, что они играли в крикет и были примерно моего возраста. Просто при взгляде на их смуглые лица мне показалось, что я снова в Дели. Подростки долго нас разглядывали. Позже они объяснили, что никак не могли понять, что я делаю в парке вместе с индианкой в гранатовом сари. Мама послужила своего рода мостом между нами, иначе я бы не удостоился внимания незнакомцев. Она сказала, что я ее сын, и настороженность ушла из их глаз, мы поприветствовали друг друга по-индийски и в мгновение ока стали друзьями. Я протянул мяч бэтсмену, он улыбнулся и спросил: «Умеешь играть в крикет?»

Дружба — загадочная вещь: чувствуешь себя одиноким — и вот тебя уже приняли в компанию; люди были незнакомы, а пять минут спустя почувствовали, что необходимы друг другу. Дело было не только в любви к крикету, свою роль сыграло то обстоятельство, что я появился на свет в Дели. Они родились в Англии: Каран — в Кройдоне, Джайпал — в Гринвиче, никогда не были в Индии и не собирались посещать историческую родину. Оба имели передо мной преимущество: они чувствовали себя англичанами. Из нас троих я один свободно говорил на хинди, Каран и Джайпал знали всего несколько слов на языке предков. Я разговаривал на хинди с их родителями, которые очень меня ценили и часто приглашали в гости. Язык делал меня индусом, хоть и белым, да не совсем — моя кожа имела золотистый оттенок. Мама была довольно светлокожей для индианки. Она рассказывала, как, нося меня под сердцем, все время молилась, чтобы ребенок был похож на отца, и каждый вечер пила перед сном холодное молоко, добавляя две ложечки миндальной пудры.

Каран был лучшим бэтсменом в мире, во всяком случае среди мальчиков до десяти лет. Он сам и все вокруг свято верили, что однажды он станет лучшим... среди всех. Достаточно было увидеть, как он перемещается, концентрируется, находит идеальную позицию, сначала чуть опустив биты и затем отведя ее в сторону на уровне шеи как естественное продолжение руки. Каран старался сбить с толку боулера, потом резко распрямлялся и посылал мяч так высоко, что он почти исчезал из поля зрения. Это великолепное артистичное движение время от времени — очень редко — удавалось некоторым игрокам и всегда — Карану. Он утверждал, что леворукость, унаследованная от отца, дает ему преимущество в полсекунды перед боулером. Я не уверен, что все левши могли бы достичь такого же уровня мас-

ОГЛАВЛЕНИЕ

НЕВИДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК	7
ОБМАНИ-СМЕРТЬ	79
ОБ ЭВОЛЮЦИИ (ЛЮДЕЙ)	101
ПОТЕРЯВШИЙСЯ ЧЕЛОВЕК	193
АХИЛЛЕСОВА ПЯТА	259